

Анна Шилд
Ада Огнева

БЕЗ ПРАВА ОТКАЗАТЬ БОССУ

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Без права отказать боссу

<https://litres.ru/74515469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад Лилия сбежала от человека, который превратил любовь в золотую клетку. Она построила карьеру архитектора и научилась жить самостоятельно — пока её бюро не выкупил Арсений Краснов. Властный миллиардер вернулся не ради дел: ему нужна женщина, которую он искал все эти годы. Лилия больше не собирается подчиняться. Но теперь между ними не только старые обиды: кабальный контракт, опасные враги и тайна, способная разрушить империю. Чтобы снова выбрать свободу, ей придётся выдержать встречу с единственным мужчиной, которого она так и не забыла.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Шилд

Без права отказать боссу

Без права отказать боссу

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Солнечный свет осеннего утра косыми золотистыми полосами падал сквозь высокие панорамные окна старого кирпичного лофта на Берсенеvской набережной. В просторном зале бюро «Линия Арт» витал привычный рабочий уют: пахло свежесваренной арабикой, терпким акриловым фиксативом для чертежей, свежей бумагой широкоформатных плоттеров, сухими белыми фрезиями в керамическом кувшине на подоконнике и едва заметным ароматом горького миндаля — ее любимой туалетной воды, оставшейся еще с тех, других времен.

Лилия Северская сидела за широким столом из светлого ясеня, склонившись над графическим планшетом. На большом изогнутом мониторе застыла трехмерная модель загородной виллы в Барвихе: изломы парящей террасы над обрывом, ленточное остекление, сложный стык натурального песчаника и темного лиственничного бруса. Она сдвинула край перголы на модели, и полуденная тень наконец легла вдоль террасы, оставив стеклянные двери на свету. Лилия сохранила вариант и потянулась за кофе.

Это было ее убежище. Ее тихая, с таким нечеловеческим трудом отвоеванная гавань независимости.

Пять лет. Ровно пять лет и четыре месяца прошло с той грозовой, ледяной ночи, когда она захлопнула за собой тяжелую кованую дверь особняка на Новой Риге, оставив на консоли в прихожей ключи, платиновые кредитные карты и разорванную пополам общую фотографию. Тогда казалось, что без его сокрушающей, удушающей заботы она не проживет и недели, замерзнет на первом же перекрестке. Но она выжила. Сняла крошечную однушку на глухой окраине с облупившейся краской на балконе, питалась кофе и овсянкой, рисовала эскизы по ночам, пока пальцы не сводило судоро-

гой, и зубами выгрызла право быть ведущим архитектором независимого бюро.

Здесь ее ценили за талант, а не за то, чьей женщиной она была. Здесь никто не диктовал, какую длину юбки надевать на деловые встречи и во сколько минут десятого вечера гасить свет в спальне.

— Лиль, ну посмотри на этот фасад, — раздался звонкий голос Кати Мироновой из-за невысокой стеклянной перегородки. Младший дизайнер крутанулась на кресле, протягивая палетку с образцами минеральной штукатурки. — Если мы пустим графит в оконных порталах, клиент не взвоят, что это похоже на склеп? Он же у нас банкир, у них на почве жизнелюбия пунктик.

Лилия мягко улыбнулась, не отрывая взгляда от экрана:

— Не взвоят, Катюш. Мы сбалансируем графит теплым термоясеном по нижнему поясу. Свет ляжет мягко, объем заиграет. В полдень это будет смотреться как курортное шале в Церматте.

— Ты гений, Северская, — вздохнула Катя, с наслаждением отпивая из кружки облепиховый чай. — Шеф должен молиться на твои руки. Если сегодня защитим концепт перед комиссией, с нас причитается бутылка сухого вина и тирамису. Я лично забронирую тот столик у воды...

Она не успела договорить.

Стеклянная матовая дверь парадного входа распахнулась с таким оглушительным грохотом, что металлическая ручка

ударилась о кирпичный выступ, выбив крошку штукатурки.

В опенспейс влетел Герман Власов. Номинальный владелец и генеральный директор бюро выглядел так, будто за ним гналась стая спущенных с цепи волкодавов. Его шерстяной пиджак висел мешком, узел шелкового галстука сбилсЯ под расстегнутый воротник, а круглое бледное лицо лоснилось от жирного, холодного пота. В мокрых пальцах он судорожно комкал тяжелую синюю папку из кожи с гербовой печатью.

— Быстро! — взвизгнул Герман, задыхаясь. Голос его, обычно елеиный, сорвался на визгливый фальцет. — Все на ноги! Свернуть эскизы! Убрать черновики, чашки, огрызки — всё с глаз долой! Немедленно выровнять мониторы!

Несколько проектировщиков за дальними столами испуганно замерли, роняя папки. КатЯ вздрогнула, расплескав рыжий чай на светлую столешницу.

Лилия медленно положила стилус на магнитную подставку. Холодное, дурное предчувствие тяжелой ледяной иглой кольнуло под ложечкой. Она хорошо знала породу Германа: он был труслив, жаден, обожал пускать пыль в глаза, но так панически боялся он только одного — хищников, стоящих неизмеримо выше его в пищевой цепи.

— Герман Эдуардович, возьмите себя в руки. — Лилия поднялась из-за стола. КатЯ потянулась свернуть палетку, но Лилия придержала ее край: работу пока никто не отменял. — У нас через час финальный рендеринг для заказчика Барвихи. О какой уборке вы говорите? Кто к нам идет? Налого-

вая?

— Какая к черту налоговая! — Герман подбежал к ее столу, его глаза бегали в животном ужасе. Он тяжело оперся ладонями о ясеневую кромку, оставляя влажные следы. — Нас больше нет, Лиля! Нас выкупили! С потрохами! Сорок минут назад у нотариуса закрыли сделку по поглощению. Сто процентов долей перешли новому собственнику. Единым траншем! Без аудита, без переходного периода!

— Что значит — перешли? — Лилия нахмурилась, чувствуя, как внутри натягивается струна. — А наши контракты? Авторский надзор? Мой договор?

— Всё у него! Все объекты, каждый карандаш и каждый ваш вздох в этом здании! — Герман всхлипнул, утирая лоб рукавом. — Он лично приехал принимать дела. Прямо сейчас. Кorteж уже на пандусе!

За окнами, выходившими во внутренний двор с брусчаткой, раздался низкий, утробный рокот форсированных многолитровых двигателей. Гул был такой плотный и тяжелый, что задрожали толстые витринные стекла в черных рамах.

Катя прижалась лицом к стеклу:

— Господи... Лиль, глянь туда...

Лилия сделала два шага к окну, по дороге прихватив чашку. Она поднесла ее к губам и забыла выпить.

Внизу, перекрыв шлагбаум и заняв брусчатку парковки, застыли три черных бронированных гиганта — матовые Cadillac Escalade с глухой тонировкой. Двери машин рас-

пахнулись одновременно с пугающей армейской синхронностью.

На мокрый серый камень ступили восемь мужчин крепкого телосложения в одинаковых темно-графитовых пальто и кевларовых перчатках, со спиралями скрытой связи за правыми ушами. Они не суетились. Двое мгновенно перекрыли въездную арку, двое заняли пожарный выход, четверо направились к парадному подъезду.

Во главе группы шагал поджарый мужчина с жестким лицом и косым шрамом через переносицу.

Борис Назаров.

Сердце Лилии споткнулось. Пропустило удар. Второй. Воздух в легких заledenел, будто она вдохнула толченый лед.

Борис. Несменный начальник службы безопасности. Человек-тень, исполнявший только самые деликатные, самые беспощадные приказы одного хозяина.

«Нет, — пронеслось в голове паническим набатом. — Это совпадение. Этого не может быть. Москва огромна...»

Но память уже кричала от ужаса.

С лестничного пролета донесся тяжелый стук входных дверей. Затем наступила звенящая тишина. Все сотрудники застыли на своих местах, превратившись в соляные столбы.

А затем слышались шаги.

Они звучали неторопливо, размеренно, с неотвратимостью лавины. Глухой, тяжелый стук толстых кожаных по-

дошв дорогих оксфордов по наборному паркету. Человек, шедший сюда, не спешил. Он знал, что добыча заперта, что здание принадлежит ему, и наслаждался каждой секундой приближения.

В дверном проеме опенспейса выросла фигура.

Борис Назаров и еще один охранник встали по сторонам косяка, опустив руки в замок. А между ними перешагнул порог он.

Арсений Викторович Краснов.

В зале будто выкачали весь кислород. Лилии показалось, что стены лофта сжались, не в силах вместить темную, хищную энергетику этого мужчины.

Он ни капли не изменился за пять лет. Стал лишь еще жестче, монументальнее, опаснее. Рост за метр девяносто, косая сажень в плечах, которые облегал темно-серый графитовый костюм-тройка из тяжелой английской шерсти. Распахнутое кашемировое пальто цвета мокрого асфальта, белоснежная сорочка с расстегнутой верхней пуговицей — никакой галстук не мог обуздать эту звериную мощь. Резкие скулы, прямой нос, тяжелый подбородок с густой двухдневной щетиной.

Воздух опенспейса мгновенно наполнился его ароматом — тем самым, который пять лет преследовал Лилию во снах. Горький вирджинский табак, морозная кора дикого кедра, терпкий бергамот и тяжелая нота чистой мужской силы.

Краснов медленно поднял веки.

Его глаза цвета штормовой Балтики с изумрудными прожилками скользнули поверх склоненной макушки Германа. Герман заговорил, но Краснов прошел мимо, оставив приветствие повиснуть в воздухе. Взор шел по залу целенаправленно, пока не впился в нее.

В Лилию.

Время остановилось. Растворились стены, застыли коллеги, померк свет. Остались только эти два ледяных клинка, вонзившихся в ее душу. Он остановил взгляд на ней сразу, минуя остальных. Лилия поняла: он приехал именно к ее столу.

У Лилии потемнело в глазах. Сердце сорвалось в слепой, панический ритм. Кровь со свистом ударила к ушам.

Лилия отступила от окна к своему столу. Пальцы правой руки, сжимавшие тонкую ручку фарфоровой чашки с кофе, онемели.

Чашка накренилась. Тонкостенный белый фарфор с треском ударился о металлический угол планшета и разлетелся на десяток острых осколков.

Горячий эспрессо плеснул на ясеневую столешницу, залил распечатанную на кальке аксонометрию виллы, превращая аккуратные линии фасада в уродливые темные разводы, и брызгами осел на подоле ее брюк.

Звон разбитого фарфора прозвучал в тишине как выстрел. Катя ахнула, закрыв рот. Герман мелко задрожал.

Арсений даже не моргнул.

Он не спеша двинулся вперед. Поступь его была мягкой, бесшумной, как у сытого хищника, вышедшего на тропу.

Дойдя до ее стола, он сделал последний шаг. Носок его начищенного черного оксфорда наступил прямо на крупный белый черепок. Сухой, отчетливый хруст раздавленного фарфора заставил Лилию вздрогнуть всем телом. Краснов с небрежной силой вдавил осколок в паркет, обращая его в белую пудру.

Он остановился в полушаге от нее.

Лилия почувствовала исходящий от него жар раскаленной чугунной плиты. Он навис над ней, заслонив свет из окна, превратившись в ее личный горизонт.

Арсений медленно наклонил голову, впиваясь в ее расширенные зрачки, в лихорадочный румянец на скулах и быющую синюю жилку в ложбинке между ключицами.

Его губы тронула хищная усмешка. Низкий баритон с хриплой рокошущей вибрацией прорезал тишину:

— Здравствуй, Лилия. Долго же ты бегала. Пять лет и четыре месяца. Пора платить по счетам.

Глава 2

Слова Арсения повисли в воздухе тяжелыми свинцовыми каплями. Каждое из них впечатывалось в сознание Лилии, сдирая защиту, которую она выстраивала все эти годы.

Она заставила себя не отвести взгляда. Гордость — ее последний рубеж обороны — поднялась из самой глубины естества, перекрывая липкий страх. Лилия сжала пальцы в кулаки так, что короткие ногти до боли впились в ладони.

— Арсений Викторович... — Она выговорила отчество, как незнакомому заказчику, и заметила, как дрогнул угол его рта. — Если вы пришли обсуждать коммерческие вопросы с руководством бюро, кабинет директора находится дальше по коридору. Я наемный архитектор. У меня срочный проект.

Краснов едва заметно приподнял бровь. В глубине зрачков мелькнула искра опасного, плотоядного изумления: добыча посмела ошкетиниться.

— Руководство? — Арсений повернул голову в сторону застывшего Германа. Тот мгновенно втянул голову в плечи, напоминая мокрую птицу под прицелом ястреба. — Власов, зайди к себе. И опусти жалюзи.

— Д-да, Арсений Викторович! Сию секунду! — забормотал Герман, пятясь и спотыкаясь о собственные ноги. — Лилия Андреевна, пройдемте... пожалуйста...

Лилия бросила быстрый взгляд на побелевшую Катю:

— Сиди здесь, Катя. Никуда не уходи, — тихо, но твердо бросила она и с высоко поднятой головой направилась к кабинету, обходя лужу кофе и раздавленный в пыль фарфор.

Она слышала, как за ее спиной идет Краснов. Слышала шорох тяжелой ткани его пальто, чувствовала затылком тяжесть его взгляда. Воздух вокруг него буквально плавился.

В кабинете директора Герман дернул шнуры металлических жалюзи. Тонкие алюминиевые полосы с лязгом повернулись, отрезая комнату от любопытных глаз из опенспейса. Резкие полосы дневного света легли на полированный стол из мореного дуба, кожаный диван и сейф в углу.

Арсений вошел последним, прикрыв массивную дверь. Замок тихо щелкнул.

Он стянул с широких плеч пальто, небрежно бросил его на спинку дивана и медленно расстегнул пуговицу пиджака, обнажив мощную грудь в приталенном шерстяном жилете. Оперся рукой о спинку директорского кресла, глядя на Германа сверху вниз, словно на пустое место.

— Вон, — не повышая голоса, обронил Краснов.

Герман даже не заикнулся о своих вещах. Схватив со стола ключи от машины, он пулей выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь с благоговейной осторожностью.

Они остались вдвоем.

Пространство кабинета мгновенно сжалось до размеров ринга. Лилия стояла посреди комнаты, чувствуя, как ткань джемпера холодит влажную от испарины спину. В тишине сухо тикали настенные часы да прерывисто стучало ее сердце.

— Ты нашел меня, — глухо сказала она. — Браво. Пять лет поисков, миллионы рублей на ищеек. И ради чего, Арсе-

ний? Чтобы устроить спектакль перед моими коллегами?

Краснов молчал. Он медленно обошел стол, не спуская с нее прищуренных глаз. В его взгляде читалась такая тяжелая, голодная жажда, что у Лилии пересохло в горле.

— Пять лет, Лиля, — заговорил он бархатным, хриплым баритоном, от которого по ее позвоночнику побежали мурашки. — Пять долгих лет ты пряталась по углам. Рисовала собачьи будки за копейки. Считала рубли на хлеб. Гордая. Неприступная. Чистая.

Он остановился в двух шагах, заложив руку в карман брюк:

— Ты думала, я забуду? Думала, я прощу тебе ту ночь? Ту записку на зеркале: «Не ищи меня, я задыхаюсь рядом с тобой»?

— Ты душил меня! — ее голос сорвался на яростный шепот. Лилия шагнула навстречу, вскинув подбородок. Глаза цвета темного шоколада полыхнули огнем. — Ты превратил мою жизнь в золотую клетку! Проверял мои звонки, решал, с кем мне пить кофе, запретил открывать собственную студию! Я была для тебя красивой вещью в твоем доме! Я ушла, потому что хотела дышать! И я дышала все эти пять лет!

— И как тебе дышится сейчас? — усмехнулся он, окинув ее фигуру медленным, раздевающим взглядом. — В свитере за три тысячи рублей? В этой пыльной конторе, которую я купил утром между двумя звонками по цене годового обслуживания яхты?

— Это честный труд! — выкрикнула Лилия.

Она резко повернулась к столу, выдвинула ящик, достала чистый бланк и тяжелую ручку Германа. Пальцы мелко дрожали, но почерк вышел твердым, крупным, размашистым:

«Генеральному директору ООО «Линия Арт». Заявление. Прошу уволить меня по собственному желанию с 21 сентября 2026 года. Северская Л.А.»

Она бросила ручку на стол. Металлический щелчок прозвучал как выстрел. Лилия взяла лист и с ледяным презрением швырнула его перед Красновым:

— Подпиши. Твое поглощение не имеет надо мной власти. Я увольняюсь сегодняшним днем. Прямо сейчас. Подайсь своей фирмой и миллионами. Я больше не останусь здесь ни секунды.

Краснов даже не посмотрел на упавший лист. Глаза его следили за ее вздымающейся грудью, за румянцем ярости, залившим фарфоровые скулы.

Затем он медленно наклонился. Поднял бумагу двумя пальцами. Выпрямился во весь свой гигантский рост.

Бегло скользнув взглядом по подписи, Арсений усмехнулся:

— «По собственному желанию»? У тебя больше нет собственных желаний, Лиля. Они закончились в ту секунду, когда я переступил порог этого здания.

Он взял лист обеими руками. Глядя ей прямо в зрачки, медленно, с наслаждением разорвал плотную бумагу попо-

лам. Звук разрывающихся волокон резанул по нервам Лилии. Затем сложил половинки вместе и разорвал еще раз — на четыре аккуратных куска.

Разжав пальцы, Краснов позволил обрывкам упасть в металлическую корзину для мусора у стола.

— Ты не имеешь права! — задохнулась Лилия, сжимая кулаки. — Я развернусь и выйду за дверь! Ты не посмеешь держать меня силой!

— Силой? — он тихо, хрипло рассмеялся. — Зачем пачкать руки, девочка моя? Ты всегда недооценивала силу юридических документов.

Краснов достал из папки с золотым тиснением «Краснов Групп» увесистый документ со скобой и синими гербовыми печатями и развернул его перед ней:

— Читай внимательно последнюю страницу. Дополнительное соглашение номер четыре к твоему трудовому договору. Подписано вчера директором Власовым на правах единственного учредителя.

Лилия против воли опустила взгляд на строчки мелкого шрифта:

«Пункт 8.4. В связи с наделением работника Северской Л.А. полномочиями Генерального проектировщика кластера «Северная Пальмира», работник принимает на себя безусловные обязательства по непрерывному авторскому надзору до момента ввода в эксплуатацию. В случае одностороннего расторжения договора по инициативе работника до

завершения этапа «А», работник выплачивает безусловную неустойку за срыв государственного девелоперского тендера в размере 25 000 000 (двадцать пять миллионов) рублей в течение трех банковских дней с момента подачи заявления...»

Буквы поплыли перед глазами. Двадцать пять миллионов рублей. Сумма, которой у нее не было и не могло быть в десяти жизнях.

— Это фальшивка... — прошептала она, бледнея. — Я не подписывала это соглашение!

— У Германа была твоя нотариальная доверенность на подписание тендерных соглашений при оформлении в штат, — безжалостно отчеканил Краснов. — Печати подлинные. Договор зарегистрирован в едином реестре госзакупок сегодня в восемь утра. Попробуешь судиться — арбитраж займет два года. Счета заблокируют завтра. Твой диплом аннулируют за саботаж государственного подряда. А откажешься платить — это статья 159, часть четвертая. До десяти лет колонии.

Лилия отшатнулась к стене. Она знала, что диплом нельзя отнять за увольнение. Но Краснов перечислял суды и статьи так, будто уже держал в кармане приговор. Земля уходила из-под ног. Перед ней стояла беспощадная машина, готовая стереть ее в порошок.

— Ты чудовище... — прошептала она, и в глазах блеснули первые слезы отчаяния. — Ты купил человека, состряпал

контракт... Зачем?! Заставить меня ползать на коленях?!

Краснов не ответил. Он сделал два шага вперед.

Его мощное тело нависло над ней, блокируя выход. Лилия попыталась дернуться в сторону, но его широкая, обжигающая ладонь взметнулась вверх и легла прямо на ее шею.

Прикосновение было властным, но пугающе бережным. Он не сдавливал горло — длинные сильные пальцы охватили белизну кожи, а подушечка большого пальца легла точно на сонную артерию.

Под его пальцами бешеным зверем забился ее пульс — сто сорок ударов в минуту, горячий, предательский.

Краснов склонился к ее лицу так близко, что Лилия ощутила его дыхание с привкусом табака и бергамота. Глаза его потемнели, превратившись в бездну.

— Я искал тебя каждую чертову ночь, Лиля, — прохрипел он прямо в ее губы. — Я выжег полгорода, чтобы найти твои следы. Я помню каждую родинку на твоём теле. Помню, как ты вздрагиваешь от моих пальцев, как стонешь в подушку... И ты думала, я позволю тебе уйти? Какой-то клочок бумаги решит нашу судьбу?

Глава 3

Лилия уперлась ладонями в его каменную грудь. Под шерстью жилета бешено колотилось его сердце. Мужчина перед ней сгорал от той же дикой страсти, которая сейчас парализовала ее волю.

Тело помнило. Вопреки разуму, вопреки ненависти, каждая клетка отзывалась на жар его ладони сладкой болью внизу живота.

— Не прикасайся ко мне... — выдавила она, задыхаясь от близости его губ. — Я ненавижу тебя, Краснов!

Арсений криво усмехнулся. Большой палец скользнул по изгибу челюсти, коснулся дрожащей нижней губы:

— Ненавидь. Ярость тебе к лицу. Но ты будешь моей. Ты будешь главным архитектором флагманского пентхауса в башне «Империя». Спроектируешь его для меня — от первого эскиза до дверных ручек. И работать будешь там, где я смогу видеть тебя каждую секунду.

Он убрал руку с ее шеи, оставив на коже палящий след раскаленного железа, и отступил:

— Внизу ждет машина. У тебя пять минут на сборы. Мы едем на твою съемную квартиру за вещами.

Холодный осенний дождь хлестал в лицо, сбивая дыхание. Ветер с Москвы-реки рвал полы ее тонкого бежевого тренча, заставляя каштановые пряди липнуть к мокрым щекам.

Лилия вылетела из парадных дверей лофта на набережную, прижимая к груди тубус с эскизами и сумку с ноутбуком. Внутри все клокотало от бессильной ярости. Бежать! Сейчас, пока этот зверь спускается по лестнице! Раствориться в переулках Замоскворечья, нырнуть в метро, уехать на край страны, сменить имя...

Она выскочила на проезжую часть набережной, отчаянно скидывая руку. В пятидесяти метрах в потоке машин притормаживало желтое такси.

— Стоять, — раздался за спиной негромкий, но тяжелый голос.

Она не успела сделать шаг к бордюру. Перед ней вырос Борис Назаров в застегнутом черном пальто. Он не коснулся ее пальцем — просто перекрыл траекторию мощным корпусом. Водитель такси, заметив внушительную охрану, резко крутанул руль и дал по газам, обдав тротуар грязными брызгами.

— Лилия Андреевна, не устраивайте сцен. — Борис смегнулся на полшага, снова отрезав ей путь к такси. — На улице дождь, вы простудитесь. Пройдемте в автомобиль.

— Пустите меня! Это похищение!

— Служебная развозка генерального проектировщика на объект. Контракт с вами подписан, — Борис сделал вежливый жест рукой в кожаной перчатке.

К тротуару бесшумно подкатил угольно-черный Mercedes-Maybach S680 в сопровождении двух Cadillac

Escalade. Задняя дверь лимузина плавно распахнулась сама собой, повинувшись сервоприводу.

В полумраке роскошного салона, обитого винной кожей Nappa, сидел Краснов. Пальто снято, пиджак расстегнут, в руках планшет с биржевыми графиками. Ни один мускул на его лице не дрогнул при звуках ее голоса.

Лилия оглянулась. Позади стояли двое молчаливых бойцов охраны. Прохожие ускоряли шаг, прячась под зонтами и боясь смотреть на правительственные номера кортежа. Драться врукопашную было бессмысленно.

Стиснув зубы до скрежета, Лилия села в салон.

Она вжалась в противоположную дверь, создавая максимально возможную дистанцию между собой и сидевшим справа мужчиной.

Борис мягко толкнул дверь. Доводчик втянул замок с глухим щелчком. А следом с металлическим звуком клацнул центральный замок — словно захлопнулась задвижка бронированного сейфа.

Тройные стеклопакеты мгновенно отрезали все шумы внешнего мира. Воцарился стерильный вакуум, нарушаемый лишь шепотом климат-контроля, подававшего ионизированный воздух с легким ароматом сандала.

Лимузин плавно тронулся с места.

Краснов листал страницы на экране планшета. Ледяное равнодушие тирана, получившего свою собственность.

Лилия не выдержала. Пять лет подавляемого гнева и боли

взорвались внутри нее раскаленной лавой.

— Доволен? — прошипела она, резко повернув к нему голову. — Чувствуешь себя всемогущим богом? Сломал чужую жизнь за утро, подкупил дурака Германа, запугал людей в офисе... Ты понимаешь, насколько ты жалок со своими деньгами?!

Арсений медленно опустил планшет на колени. Повернул голову. В полумраке его серо-зеленые глаза казались черными, а шрам на скуле побелел.

— Жалок? — Он заблокировал планшет. В черном экране на его коленях Лилия увидела свое лицо. — Жалок тот, кто

бежит, Лиля. Кто бросает начатое, забивается в щель и пять лет дрожит от каждого шороха, твердя себе о независимости.

— Я не дрожала! Я жила! — крикнула она, и голос дрогнул. — Я спала спокойно! Потому что рядом со мной не было тебя! Не было твоей ревности, охраны у постели, допросов. «С кем говорила? Почему задержалась на десять минут?!» Ты превратил мою любовь в ад, Арсений! В крошечный ад!

Взгляд Краснова потемнел еще сильнее. На широких скулах заходили желваки. Зверь внутри рвал цепи, но титан удерживал контроль железной волей.

— Я защищал тебя, — глухо бросил он. — Ты была слишком наивна. Порхала бабочкой, не понимая, сколько стервятников кружит вокруг моей империи и вокруг тебя. Ты хотела свободы? Ты получила ее. Пять лет в нищете.

— Я зарабатывала своим умом! Я сниму эту кабалу, слышишь? Я найду адвокатов, влезу в долги, но оспорю договор в суде!

Краснов сухо, жестоко усмехнулся:

— Адвокатов? — он подался вперед, нависая над ней в полумраке салона. Расстояние между лицами сократилось до двадцати сантиметров. Снова его запах — табак, бергамот и чистый адреналин. — Ни один адвокат в городе не возьмет твой ордер. Один звонок — и его коллегия лишат лицензии до заката. А если найдется безумец — иск ляжет под сукно на три года. Счета арестуют. Имущество опишут. Вход на любые площадки закроют. Ты останешься нищей на паперти.

Его рука медленно поднялась. Кончиками пальцев он легко, почти невесомо провел по мокрой от дождя пряди волос, прилипшей к ее виску, заправляя за ухо.

От этого нежного жеста у Лилии перехватило горло. Сердце предательски замерло.

— Я не враг тебе, Лиля, — тихо произнес Арсений, глядя в ее губы. — Я никогда не был твоим врагом. Но ты моя. Была, есть и будешь. И чем раньше ты поймешь это, тем меньше боли причинишь себе. Ты будешь жить на вершине города. Будешь проектировать с неограниченным бюджетом. У тебя будет всё, о чем только может мечтать архитектор. Кроме одного.

— Кроме свободы, — с горечью выдохнула она, отворачиваясь.

— Кроме права на побег, — отрезал он.

Кортеж тем временем съехал с проспектов и углубился в серые лабиринты спального района на восточной окраине.

Мимо окон поплыли панели хрущевок с ржавыми балконами, лужи с масляными разводами бензина и разбитые детские площадки.

«Майбах» тяжело перевалился через глубокую выбоину в асфальте двора и замер напротив третьего подъезда пятиэтажки 1968 года постройки. Колеса лимузина утонули в жирной грязи с прелыми листьями.

Краснов бросил взгляд в окно. На его лице отразилось брезгливое отвращение:

— И вот ради этого ты сбежала? Ради помойки с запахом тухлой капусты и дешевого пойла?

— Это мой дом, — с достоинством отчеканила Лилия, берясь за ручку двери. — Здесь чисто. И здесь нет тебя.

Краснов взглянул на платиновый хронограф на широком запястье:

— Пятнадцать минут, Лиля. Возьми документы, скетчбуки и то, без чего не сможешь прожить эту ночь. Тряпье я прикажу сжечь. Борис идет с тобой.

— Я поднимусь одна!

— Пятнадцать минут, — повторил он ледяным тоном. — Если не спустишься — Борис вынесет тебя на плече. Время пошло.

Глава 4

Лестничный пролет встретил их запахом сырой штукатурки и застарелого табачного дыма. Лилия почти бегом поднималась по бетонным ступеням без лифта, перескакивая через ступеньку. Подошвы ее лоферов гулко стучали по камню.

Сзади в трех шагах тенью поднимался Борис Назаров. Его беззвучный шаг за спиной жег кожу между лопатками, словно наведенное дуло.

На пятом этаже замок заело — от волнения пальцы ходили ходуном. Борис протянул ладонь в кевларовой перчатке, но Лилия яростно дернула плечом:

— Не трогайте! Я сама!

Ключ провернулся с сухим щелчком. Она распахнула дверь в крошечную прихожую:

— Оставайтесь на пороге.

Борис молча кивнул, застыв у косяка со скрещенными на груди руками.

Лилия влетела в комнату. Площадью в шестнадцать квадратных метров, она была заполнена ее жизнью, выстроенной с любовью: диван с мягким пледом, сосновый стеллаж с книгами Хадид и Фостера, чертежный стол у окна с рядами линеек, кактусы на подоконнике. Ее крепость, которую только что взяли штурмом.

Она вытащила из-под кровати потертый чемодан, распахнула на полу и лихорадочно стала сгребать с полок самое необходимое: свитер, джинсы, сменное белье, тубус с дипломными чертежами, скетчбуки с эскизами...

Внезапно взгляд упал на карман тренча.

Телефон!

Старый Хиаоми с трещиной на стекле лежал там. Краснов внизу. Борис в коридоре.

Это был единственный шанс.

Она выхватила аппарат, дрожащими пальцами сняла графический ключ. Сердце колотилось в горле. Кому звонить?

В полицию бесполезно. Кате!

Она открыла мессенджер, судорожно вбивая текст:

«Катя, меня похитил Краснов. Везет в башню силой. Если не выйду на связь до девяти вечера, поднимай шум. Найди юристов через выпускников, пишите во все правозащитные каналы...»

Палец завис над синей кнопкой отправки.

И в этот момент половицы в прихожей протяжно, тяжело скрипнули — будто на них опустилась гранитная глыба.

Лилия замерла. Холодная волна ужаса прокатилась по телу.

В узкий дверной проем комнаты вошел Арсений Краснов.

Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не снести стеклянный потолочный плафон. Его гигантская фигура в графитовом костюме заполнила собой все пространство. Потолки пятиэтажки казались игрушечными рядом с его мощью.

Лицо Арсения было белым от контролируемой ярости. В правой руке тускло мерцал брусок подавителя радиочастот — красный диод отражался в его пальцах.

Лилия судорожно посмотрела на экран телефона. Стрелки на сообщении замерли. Шкала связи сбросилась в ноль. «Нет сети».

— Кому строчишь доносы, Лиля? — обманчиво тихо спросил он, но в голосе звенел металл готового затвора. — Подружке? В полицию?

Лилия спрятала телефон за спину, отступая к чертежному

столу:

— Вон! Вон из моей квартиры! Это частная собственность!

Краснов убрал глушилку в карман брюк и сделал широкий шаг вперед. Дистанция испарилась. Он навис над ней грозовой тучей и протянул ладонь:

— Телефон, Лиля.

— Нет! Там фотографии мамы, контакты, моя жизнь! Ты не посмеешь!

— Я предупреждал тебя на набережной.

Его рука метнулась вперед с молниеносной скоростью. Пальцы стальным кольцом сомкнулись на ее правом запястье. Без грубости, но с такой сокрушительной мощностью, что ее пальцы рефлекторно разжались.

Второй рукой Краснов выдернул пластиковый корпус смартфона из ее ладони.

— Отдай! Не смей! — закричала она, колотя кулаками по его каменной груди. — Отдай, зверь!

Краснов отпустил ее запястье и передал телефон Борису. Тот вынул из бумажника тонкую скрепку, отщелкнул лоток и вернул аппарат вместе с сим-картой. Лилия рванулась следом, но Арсений заслонил телефон плечом. Пластинка с золотистым чипом легла ему на ладонь.

Он положил ее на ребро пальца и без малейшего усилия нажал.

Раздался сухой металлический хруст.

Чип переломился надвое. Обломки упали на дощатый пол, затерявшись в щелях между половицами.

Сам телефон Краснов небрежно опустил в карман пиджака:

— Личные фотографии матери специалисты СБ перенесут на защищенный диск в течение часа. Все остальное — мусор. Как и твоя прошлая жизнь.

Лилия замерла. Слезы бессильной ярости жгли веки, запыстье еще пульсировало после его хватки.

— Ты больной, безумный зверь, — прошептала она с горечью.

Арсений ничего не ответил. Он достал из жилета тяжелый матовый брусок из темного титана — смартфон спутниковой связи без логотипов, с серийным номером на торце, и с глухим стуком опустил на стол:

— Твой новый рабочий терминал. Закрытый криптографический протокол. В память вшиты три номера: мой, Бориса и диспетчерская башни «Империя». Внешние звонки заблокированы. Выхода в соцсети и открытый интернет нет.

Лилия посмотрела на холодный металл. Электронный ошейник высшей пробы.

— Время вышло, — бросил Краснов. — Борис, заberi багаж.

Начальник СБ вошел в комнату, подхватил чемодан и тубус с чертежами.

Лилия в последний раз оглядела комнатку: кактусы, плед,

недопитую кружку чая. Осколки ее свободы. Она взяла титановый брусок и сунула в карман тренча. Металл обжег бедро ледяной тяжестью.

— Пошла, — не оборачиваясь, бросил Краснов.

Кортеж домчал до делового центра за двадцать минут. Пробки расступались перед стробоскопами сопровождения.

Они въехали в подземный трехуровневый паркинг башни «Империя» через отдельный бронированный шлюз. Гидравлические ворота с грохотом опустились, отрезая дневной свет.

Лилия шла за Красновым словно во сне. Приватный скоростной лифт с биометрическим сканером по отпечатку пальца рванул вверх со скоростью восемь метров в секунду. Заложило уши, диафрагма подскочила от перегрузки. Табло стремительно отсчитывало этажи: 20... 40... 55... 60.

Створки разъехались.

Лилия сделала шаг и замерла, ошеломленная масштабом.

Двухуровневый дворец на высоте двухсот двадцати метров занимал весь шестидесятый этаж башни. Восемьсот квадратных метров абсолютной роскоши. Потолки пять с половиной метров, полы из цельных плит черного матового сланца, колоссальный камин из дикого серого базальта.

И панорамные окна от пола до потолка. За ними расстилалась бездна осенней Москвы. Город внизу казался серым скоплением спичечных коробков под тучами. Земли не было — лишь небо, дождь и бездна под ногами.

Краснов прошел вперед, бросив пальто на гранитный остров кухни. Его мощная фигура на фоне неба выглядела монументом торжества.

Он вытащил из кармана связку ключей со стальным брелоком и с резким стуком опустил на консоль из темного дуба у входа:

— Добро пожаловать домой, Лилия Андреевна. Твоя спальня прямо по коридору налево. Там гардеробная и ванная. Замок на двери закрывается изнутри — запирайся, если тебе так спокойнее.

Он подошел вплотную, заглядывая в ее глаза с хищным собственничеством:

— Но помни одно, Лиля. Дубликат электронного ключа есть только у меня. А высота под этими окнами — двести двадцать метров чистого падения. Твоя прошлая жизнь умерла сегодня в десять утра. Выхода нет. И права на отказ у тебя больше нет.

Он развернулся и тяжелыми шагами ушел в глубину восточного крыла. Вскоре за массивной дверью его кабинета сухо щелкнул замок.

Лилия осталась стоять одна посреди гигантского ледяного зала. Пальцы судорожно сжимали холодный титановый корпус смартфона в кармане. За панорамным стеклом низкие тучи закрывали город; мокрые окна соседних башен отражали серый полуденный свет.

Глава 5

Пробуждение на высоте двухсот двадцати метров не имело ничего общего с прежней жизнью Лилии Северной.

Она потянулась к краю кровати, где дома стоял чайник на низком стеллаже, и коснулась пустой прохладной простыни. До противоположного края матраса было еще полметра.

Здесь царил оглушительная, стерильная, пугающая тишина.

Лилия открыла глаза, сжимая в пальцах невесомое пуховое одеяло. Сатиновые простыни цвета топленого молока ласкали кожу струящейся прохладой, но это прикосновение жгло сильнее утюга. Огромная спальня тонула в серо-жемчужном утреннем полумраке. Во всю стену — от пола из мореного дуба до пятиметрового потолка — высилось сплошное панорамное остекление.

За бронированным триплексом клубилась бездна. Плотный сизый туман укутывал просыпающуюся столицу. Лишь изредка в разрывах облачной пелены внизу мелькали крошечные вспышки фар на набережной.

Лилия села на постели, обхватив колени. В памяти вспыхнуло вчерашнее утро: оцепление скромного бюро «Линия Арт», осколки фарфоровой чашки под оксфордом Краснова, хруст сломанной о его нготь сим-карты и кабальный контракт на двадцать пять миллионов рублей.

«Добро пожаловать домой, Лилия. Твоя спальня прямо по коридору налево. Замок закрывается изнутри, но дубликат есть у меня».

Его низкий вибрирующий баритон до сих пор стоял в ушах.

Она спустила босые ноги на ковер, подошла к панораме и прижалась лбом к ледяному стеклу. Сердце глухо колоти-

лось в ребра. Высота всегда манила ее как архитектора, но сейчас стеклянная гладь казалась прозрачной стенкой аквариума на вершине башни «Империя». Золотая клетка. Самая дорогая в мегаполисе.

Лилия прошла в мастер-ванную из черного сланца. Горячий душ смыл дорожную пыль, но не стер ощущение чужого присутствия. Завернувшись в плотный махровый халат с вышитым гербом холдинга, она вышла обратно, вытирая мокрые волосы полотенцем.

И замерла на пороге.

Дверь в спальню была открыта. В комнату вкатывали два высоких хромированных рейла с одеждой. Впереди стояла выпрямленная дама лет сорока пяти в графитовой тройке и титановых очках. За ней следовали две ассистентки в белых перчатках с бархатными кофрами.

На вешалках покачивались наряды от кутюр: шерстяные платья глубоких бутылочных оттенков, кашемировые костюмы, шелковые блузы. На тумбе стояли коробки с остроносыми лодочками и кружевным бельем.

— Доброе утро, Лилия Андреевна, — произнесла дама с едва заметной полуулыбкой. — Я Инга, ведущий стилист протокольной службы Арсения Викторовича. Нам поручено сформировать ваш гардероб. Прошу к зеркалу для снятия мерок.

Лилия сжала пояс халата, чувствуя, как внутри закипает бешенство:

— Уберите это.

Инга достала сантиметровую ленту:

— Лилия Андреевна, Арсений Викторович строг к таймингу. Через сорок минут завтрак, в девять — установочная сессия. Вам надлежит выглядеть безупречно. Сбросьте халат.

— Я сказала: уберите это вон! — голос Лилии зазвенел. Она встала между вешалками и зеркалом. — Где мои вещи? Где джинсы, свитер и рабочая куртка?

Инга чуть наклонила голову:

— Ваши прежние вещи не соответствуют регламенту резиденции. Служба клининга утилизировала их сегодня в шесть утра.

Слова стилистки ударили Лилию под дых:

— Что?.. Сожгли?!

Там, в кармане куртки, лежал блокнот с чертежами дипломных обмеров. А в кармашке джинсов — серебряный кулон с бирюзой, единственное, что осталось от умершей мамы.

— Вы не имели права... — Лилия задыхалась, ногти впились в ладони. — Это были мои личные вещи!

— Они выглядели неподобающе, — холодно парировала Инга, протягивая шелковое платье. — Арсений Викторович не терпит нищеты вокруг себя. Примерьте...

Слепая обида сорвала контроль. Лилия схватила шелк за ворот и рванула на себя. Вешалка со звоном ударилась о

рейл, ткань скользнула на паркет под босую ногу девушки.

— Пошли вон! — крикнула она, и глаза цвета горького шоколада вспыхнули огнем. — Вон из моей комнаты! Я наемный архитектор, а не шлюха Краснова, которую можно наряжать в кукольные тряпки! Вон!

Ассистентки попятились. Инга побледнела и нажала кнопку рации:

— Арсений Викторович, на объекте препятствие.

Из коридора раздался размеренный стук тяжелых шагов. У Лилии пересохло во рту, сердце подскочило к горлу.

В проеме появился Арсений Краснов.

Темно-синие шерстяные брюки, белоснежная сорочка с расстегнутым воротом и закатанными до предплечий рукавами. На литых запястьях темнели вены, на часах тускло мерцала платина. На широких хищных скулах темнела жесткая щетина. Шлейф горького бергамота, кедра и табака вытеснил запах косметики.

Серо-зеленые глаза Арсения скользнули по Инге, упали на растоптанный шелк и пригвоздили Лилию. Он качнул подбородком:

— Вон.

Персонал исчез за секунду. Дверь закрылась с мягким щелчком магнита.

Арсений неторопливо шагнул вперед с обманчивой грацией хищника. Остановился в метре, заставив Лилию задрать голову. Рост метр девяносто два подавлял абсолютно.

— Бунтуешь, Лиля? — низкий баритон завибрировал под потолком. В углах губ мелькнула опасная усмешка. — Все такая же дикая. Думаешь, растоптанными тряпками можно сломать мои правила?

— Твои правила?! — выдохнула Лилия. — Ты вор, Краснов! Ты забрал мою фирму, шантажируешь судом, а теперь твои лакеи сжигают мои вещи! Там был мамин кулон! Ты уничтожил единственную память о ней!

Она вскинула кулаки, готовая ударить его в каменную грудь. Но Арсений даже не шелохнулся.

Он опустил руку в карман брюк и разжал мозолистую ладонь.

На коже лежал серебряный кулон на цепочке. Бирюза мягко блеснула в полумраке.

Лилия застыла, дыхание перехватило.

— Я помню, что кулон принадлежал твоей матери, Лиля. — Он раскрыл ладонь перед ее глазами; цепочка свесилась между пальцами. — Я помню, как ты сжимала его на защите диплома пять лет назад. Я не уничтожаю память. Я уничтожаю нищенскую жизнь, в которую ты сбежала.

Он шагнул вплотную и положил кулон на мрамор тумбы. Металл тихо звякнул.

— Твои застиранные кофты сожжены. Блокнот из куртки лежит в библиотеке, вместе с чертежами. В моей башне ведущий архитектор выглядит так, чтобы у вице-мэра отваливалась челюсть. Ты представляешь холдинг Краснова. И ты

будешь носить то, что я выбрал.

Он снял с рейла строгое платье из тончайшей изумрудной шерсти с воротником-стойкой и длинной скрытой молнией вдоль позвоночника. Протянул ей, коснувшись пальцами ее предплечья. От касания Лилию прошиб ток.

— Надевай, — приказал он, глядя в ее расширенные зрачки. — Или ты снимешь халат сама, или я сниму его прямо сейчас. Мне не привыкать раздевать тебя, Лилия. И одевать — тоже.

Щеки Лилии вспыхнули пунцовым. Она выдернула платье из его руки и скрылась за стеклянной перегородкой гардеробной. Сбросив халат, натянула белье и платье.

Ткань легла безупречно. Плотная холодная шерсть обняла ребра, подчеркнула талию и бедра. Но пальцы дрожали, и бегунок скрытой молнии на спине застрял на уровне лопаток. Вырез оставался распахнутым до поясицы, обнажая бледную кожу.

Лилия раздраженно дернула замок.

Воздух позади колыхнулся.

Арсений вошел неслышно. Его горячие тяжелые ладони опустились прямо на ее обнаженные лопатки.

Лилия задохнулась.

Кожа под его руками вспыхнула, словно от углей. Жесткие мозоли на пальцах обожгли обнаженную спину так остро, что по бедрам прокатилась судорожная волна.

— Не дергайся, — прошептал он в ее затылок.

Дыхание с запахом бергамота обожгло шею. Лилия замерла. Сзади нависала литая стена его груди, ощущался бешеный стук его сердца.

Арсений прижал ладонь к ее талии, а пальцами другой руки перехватил бегунок. Медленно, мучительно дюйм за дюймом он повел замок вверх по позвоночнику.

Каждый металлический зубец отзывался в теле ударом тока. Его пальцы следовали за замком, касаясь кожи, оставляя след из мурашек и жара. Лилия прикусила губу до крови, сдерживая стон.

Замок защелкнулся у основания шеи. Но Арсений не убрал рук. Его пальцы скользнули в каштановые пряди на затылке. Губы обожгли шею мимолетным прикосновением, похожим на клеймо.

— Изумрудный, — выдохнул он хрипло в ее кожу. — Всегда был моим любимым на твоем теле. Ты великолепна, Лилия. Даже когда готова перерезать мне горло.

Лилия резко развернулась, упершись ладонями в его твердую грудь:

— Не прикасайся ко мне! Между нами только рабский контракт! Ты купил фирму, но не купил меня!

Арсений не сдвинулся ни на миллиметр. Он опустил руки в карманы, глядя на нее тяжелым взглядом хозяина:

— Время покажет, что именно я купил, Лилия Андреевна. У тебя три минуты на туфли. Кофе остывает.

Он вышел. Лилия схватила со стола мамин кулон, сжала

его в кулаке и закрыла глаза.

Первый раунд остался за ним. Но война только началась.

Глава 6

Обув строгие остроносые туфли на невысоком каблуке из тонкой темно-зеленой замши, Лилия вышла в коридор. Серебряный кулон был крепко зажат в кулаке; лишь перед выходом в гостиную она торопливо застегнула тонкий замочек цепочки на шее, спрятав бирюзовую бусину глубоко под воротник изумрудного платья, ближе к сердцу. Это был ее тайный якорь в чужом мире заоблачной роскоши.

Она шла по коридору пентхауса с подчеркнуто прямой спиной. Полы из темного копченого дуба скрадывали шаги.

Кухня-гостиная встретила ее ослепительным утренним светом. Солнце пробило сизый осенний смог, и косые золотые лучи рассекали колоссальный зал, разбиваясь о полированный камень и шлифованный металл. В центре возвышался пятиметровый кухонный остров — монолитная глыба черного карельского лабрадорита с синеватыми всполохами.

Арсений сидел на высоком барном кресле из мягкой кожи. Он просматривал биржевые сводки на тонком карбоновом планшете, пальцем смахивая графики котировок дивелоперских акций. Пиджак небрежно висел на спинке соседнего стула. Закатанные рукава сорочки обнажали мощные предплечья с рельефными связками. На плите тихо урчала медная джезва, источая густой смолистый дух свежесваренного зерна.

Увидев Лилию, повар в белом кителе почтительно склонил голову и бесшумно исчез через боковую дверь.

Лилия обошла гранитный остров по широкой дуге и села на стул на противоположном краю — между ними легло четыре метра холодного камня. Она аккуратно сложила руки на коленях и посмотрела на Краснова с ледяным спокойствием:

— Я одета в соответствии с твоим протоколом, Арсений Викторович. Теперь перейдем к делу. Мне нужны исходные данные: план участка, техническое задание, геологические изыскания и бюджетные лимиты. Я здесь, чтобы работать, а

не разыгрывать семейные сцены.

Арсений не ответил сразу. Он заблокировал планшет и положил его на камень. Затем поднял взгляд серо-зеленых глаз, тяжелый и тягучий, как смола.

Он поднялся без суеты, с той обманчивой неторопливостью, которая свойственна крупным хищникам. Подошел к плите, снял медную джезву и процедил темную жидкость через золоченое ситечко в тончайшую чашку из мейсенского фарфора.

Затем взял чашку и мягким движением скользнул ею по граниту. Лилия сняла руки с колен и подхватила чашку за ручку, прежде чем кофе выплеснулся через край.

Над фарфором поднимался тонкий завиток пара.

Лилия машинально вдохнула — и сердце пропустило удар.

Лилия уже поднесла чашку к губам, когда узнала кардамон и свежемолотую корицу. Она остановилась, боясь сделать глоток. Двойная щепотка кардамона и корица на кончике ножа — чтобы смягчить природную горечь эфиопской арабики. Без сахара. С плотной шелковистой пенкой.

Следом за чашкой Арсений поставил на гранит фарфоровое блюдо с теплым круассаном, посыпанным лепестками миндаля, из надлома которого сочилась густая ореховая паста.

В висках Лилии застучала кровь.

Пять лет назад. Крошечная полутемная кухня на Малой

Грузинской, где они жили в первые месяцы их связи. У них не было небоскребов и личной охраны. Но каждое утро, когда за окнами выл осенний ветер, Арсений шел босиком по линолеуму и варил именно такой кофе. Он кутал ее озябшие плечи в свою огромную вязаную кофту и кормил миндальными круассанами из пекарни на углу, пока она чертила эскизы на упаковочной бумаге.

После побега Лилия пять лет не прикасалась к кардамону. Этот запах вызывал физическую боль в груди.

И вот теперь он стоял перед ней. Живой. Подлинный.

Пальцы Лилии судорожно сжались на коленях.

— Ты... ты помнишь, — вырвалось сорванным шепотом, прежде чем рассудок успел выставить защиту.

Арсений стоял напротив, оперевшись ладонями о край острова. В глубине его зрачков полыхало неистовое пламя:

— Я помню каждую секунду, Лилия. Помню, как ты щурила глаза от первого глотка. Помню, как слизывала миндальный крем с пальцев. Помню, как пахла твоя кожа перед расцветом. И помню ночь, когда я нашел на консоли ключи, а на зеркале твою записку: «Не ищи меня».

Лилия вздрогнула, словно от хлыста. Обида взметнулась внутри раскаленной волной:

— А что еще мне оставалось делать, Арсений?! Ждать, пока твой поводок окончательно затянется на горле?! Ты уже тогда превращал мою жизнь в казарму! Ты решал, с кем мне общаться, где работать, в какие институты подавать доку-

менты! Ты ревновал меня к каждому столбу, к сокурсникам, к профессорам! Ты хотел запереть меня в золотой клетке и сделать домашней куклой! Я задыхалась!

Арсений подался вперед, челюсти сжались до желваков:

— Я оберегал тебя! Ты была наивной девчонкой, готовой верить первому встречному! Твой дружок продал твои чертежи диплома за тридцать тысяч рублей конкурентам, а ты собиралась одолжить ему денег на операцию матери, которой не существовало! Если бы я не вмешался — ты вылетела бы из академии с позором!

— Ты сломал ему ребра, Арсений! — выкрикнула Лилия, вскакивая со стула. — Ты избил человека на университетской лестнице! Ты вел себя как бандит! Я боялась тебя! Боялась проснуться и понять, что у меня больше нет имени и воли, кроме твоего разрешения дышать!

— И поэтому ты сбежала как воровка?! С одним рюкзаком, бросив меня на пепелище?!

В огромном зале повисла звенящая тишина. Лишь за панорамой глухо гудел ветер на высоте шестидесятого этажа.

Они стояли друг напротив друга через гранитную гладь, тяжело дыша. Два непримиримых врага, между которыми полыхал незаживший пожар. Лилия видела, как вздымается грудь Арсения, как побелели его костяшки, впившиеся в полированный камень. За его яростью пряталась такая бездонная боль, что у нее перехватило горло.

Она медленно опустилась на стул. Дрожащей рукой взяла

чашку и поднесла к губам.

Первый глоток обжег терпкой горечью пряностей и жаром арабики. Вкус был идеальным. До мельчайшей ноты. До слез в глазах, которые она яростно смахнула ресницами.

— Это в прошлом, Краснов, — тихо произнесла она. — Той наивной девочки больше нет. Перед тобой архитектор с пятилетним опытом. И я здесь только потому, что ты прижал меня неустойкой в двадцать пять миллионов. Никакого прошлого нет. Давай документы.

Арсений медленно выпрямился. На лицо опустилась непроницаемая маска делопера:

— Хорошо, Лилия Андреевна. Поговорим о бизнесе.

Он взял со стола в эркере тяжелую кожаную папку цвета горького шоколада с золотым гербом холдинга. Опустил перед Лилией. Стук кожи о камень прозвучал как удар молотка:

— Открывай.

Лилия потянула шелковую ленту и раскрыла папку.

Первые же листы заставили ее забыть обо всем. Взгляд жадно вцепился в чертежи, графики и трехмерные разрезы.

— Главный кластер холдинга — «Северная Пальмира», — негромко произнес Арсений, встав у ее плеча. От него пахло кедром и табаком, но Лилия даже не шелохнулась, поглощенная масштабом. — Площадь застройки — тридцать два гектара на излучине набережной, территория бывшего завода. Три жилые башни, музей современного искус-

ства, концертный зал с уникальной акустической раковиной и резиденция холдинга на вершине высотной доминанты в триста восемьдесят метров.

Лилия лихорадочно листала чертежи:

— Здесь... колоссальный перепад рельефа к воде. Почти двенадцать метров. Если ставить стандартный стилобат, река будет отрезана глухой стеной. Это убьет набережную!

— Именно поэтому я уволил трех предыдущих архитекторов из Лондона и Роттердама, — жестко сказал Краснов. — Они предлагали залить все бетоном и поставить торговый молл. Мне нужен шедевр, который изменит силуэт столицы на двести лет. Бюджет концептуального этапа неограничен. Общий инвестиционный пул — сорок два миллиарда рублей.

Лилия подняла потрясенный взгляд:

— Сорок два миллиарда?.. И ты отдаешь концепцию мне? Бюро из шести человек?

Арсений посмотрел на нее сверху вниз с абсолютной убежденностью:

— Твое бюро сидело в провинциальной пыли только потому, что Герман труслив. Но я помню твои дипломные работы. Ни один европеец не чувствует фактуру русского камня и пластику света так, как ты. «Северная Пальмира» будет построена по твоим чертежам. Или не будет построена вовсе.

У Лилии пересохло в горле. Это было сокрушительное искушение. Любой зодчий отдал бы жизнь за тридцать два гек-

тара на набережной с сорокамиллиардным бюджетом. Арсений бил без промаха. Он не просто держал ее на финансовой цепи — он давал ей в руки проект века.

— Но есть условия, — добавил он, и в голосе снова зазвучала сталь. — Работать ты будешь здесь. Никаких выездов в город без моего разрешения и без Бориса. Рабочее место — малая библиотека в восточном крыле. Там установлены графические станции, плоттер и макетный стол. Вся проектная группа холдинга переведена на защищенный сервер с доступом только с твоего терминала. К вечеру жду эскизный разрез входной группы и решение по спуску к воде.

Он протянул руку, взял ее чашку и сделал глоток остывающего кофе с кардамоном — с того самого места на ободке фарфора, где остался след ее губ.

Затем накинул пиджак на плечи:

— У меня совет директоров и совещание в мэрии. Вернусь поздно. Обед в два. За пределы этажа выхода нет. Не пытайся играть в партизанку, Лиля. Дом напичкан датчиками, и Борис не спустит с тебя глаз.

Стеклянные створки приватного лифта сомкнулись за его спиной.

Лилия осталась одна посреди солнечного зала. Перед ней лежали чертежи «Северной Пальмиры» на сорок два миллиарда, а рядом остывала чашка кофе, вкус которого она помнила каждую секунду этих пяти лет.

Глава 7

К двум часам ночи тишина в пентхаусе стала почти осязаемой.

Лилия честно пыталась уснуть. Она пролежала в огромной постели больше двух часов, глядя в серый бетонный потолок, но сон не шел. Перед глазами плясали расчетные сетки, отметки нулевого горизонта и контуры башен «Северной Пальмиры». Но страшнее чертежей были воспоминания: тяжелый взгляд серо-зеленых глаз, обжигающий вкус кофе с кардамоном и горячие ладони Краснова на ее лопатках, когда он медленно тянул вверх молнию платья.

Не выдержав пытки духотой и собственными мыслями, Лилия сбросила шелковое одеяло. Она натянула тонкую хлопковую тунику цвета слоновой кости на узких бретелях и короткие свободные шорты. Босиком, стараясь ступать неслышно, она прошла в библиотеку, забрала тубус с распечатанными чертежами, коробку мягких графитовых карандашей, масштабные линейки и рулон кальки.

Работать за письменным столом было тесно. Ей нужен был размах, воздух, пространство.

Она расположилась прямо в центре гостиной, на колоссальном персидском ковре цвета топленого молока. На пушистом ворсе Лилия раскатала трехметровый лист кальки, прижала углы тяжелыми каталогами по сопромату и опусти-

лась на колени. Волосы она небрежно заколола деревянным карандашом, чтобы не лезли в глаза.

Гостиная тонула в бархатном сапфировом полумраке. Лишь косые полосы холодного света от сияющих рекламных медиафасадов Москвы прорезали тьму через панорамные стекла, заливая чертеж призрачным серебром.

Лилия работала в исступлении. Грифель мягкого карандаша 4В тихо шуршал по плотной кальке, оставляя бархатные черные линии. Она перечерчивала входную группу центрального концертного зала. В оригинальном проекте голландцев стилобат нависал над набережной тяжелой глухой

плитой, давя на воду. Лилия искала иную пластику: изогнутую, парящую вантовую конструкцию, напоминающую крыло чайки, где ступенчатые спуски из белого гранита плавно переходили в террасы у самой кромки реки.

Она закусила губу, стирая ластиком неудачную линию пилона. Серый графитовый след остался на ее левой скуле, когда она машинально поправила выбившуюся каштановую прядь. Пропорция не давалась: пролет в восемьдесят метров требовал колоссального сечения колонн, а колонны убивали ощущение невесомости.

Мягкий, едва уловимый шорох босых шагов по дубовому паркету заставил ее вздрогнуть.

Лилия резко обернулась, сжимая линейку в пальцах.

Из темного коридора спального крыла бесшумно выступила фигура Арсения.

На нем не было рубашки — только свободные домашние брюки из темно-серого плотного хлопка, державшиеся низко на бедрах. Босые ступни неслышно ступали по полу.

В серебристом свете ночного города его мощный, литой торс казался высеченным из темного камня. Широкие, покатые плечи, бугры трапеций, рельефные плиты грудных мышц и глубоко очерченный пресс с расходящимися к паху косыми связками. Он выглядел устрашающе красивым, первобытным, опасным. Но взгляд Лилии мгновенно приковал не рельеф его мышц.

На левой стороне груди Арсения, прямо над сердцем, и

дальше по ребрам тянулся длинный, рваный, белесый шрам. Следы грубых хирургических швов рассекали кожу, словно след от когтей гигантского зверя.

Пять лет назад этого шрама не было.

От Арсения пахло свежестью недавнего душа, терпким мылом с нотами можжевельника, горьким бергамотом и дымным табаком. В опущенной руке он держал стакан с ледяной водой.

— Два часа ночи, Лиля, — его низкий, сонный хриплый баритон разрезал тишину, как лезвие. — Архитекторам положено спать, а не стирать колени на ковре.

Лилия инстинктивно подобрала под себя босые ноги, натягивая край туники до середины бедер. Щеки вспыхнули румянцем, хотя в полумраке этого не было видно:

— Я не могла уснуть. Идея уходит, если ее не зафиксировать. Вантовая арка стилобата не держит ветровую нагрузку при таком угле. Колонны получаются слишком массивными.

Арсений не стал читать нотаций. Он сделал несколько неторопливых шагов, подошел к коврику и опустился на колени прямо напротив нее.

Расстояние между ними сократилось до полуметра. Лиля кожей ощутила исходящий от его обнаженного тела раскаленный жар. Воздух между ними мгновенно сгустился, наполнился сухим электричеством. Ее сердце заколотилось чаще, отдаваясь в висках глухими ударами.

Краснов поставил стакан на пол и протянул широкую ла-

дочь:

— Дай карандаш.

Лилия заколебалась, но разжала пальцы. Арсений перехватил мягкий грифель, наклонился над чертежом, упершись одной рукой в ковер рядом с ее коленом. Его широкое плечо почти касалось ее обнаженной ключицы. Лилия видела каждую пору на его загорелой коже, видела биение пульса на мощной шее.

— Ты мыслишь классическим железобетоном, — глухо заговорил он, глядя на ее эскиз. — Для пролета в восемьдесят метров бетон не годится, он задавит воду. Здесь нужен преднапряженный стальной короб с титановым напылением. Смотри.

Он обвел карандашом опорный узел и от него вывел дугу к откосу:

— Если перенести опорные узлы на шесть метров ближе к гранитному откосу и завязать ванты на скрытый кессон в основании резиденции, пилоны можно сделать тонкими, как лезвия. Пространство откроется. А вечернее солнце будет пробивать остекление насквозь и отражаться от реки прямо в холл концертного зала.

Лилия замороженно смотрела на его руку. Его рисунок был точным, жестким, безупречным. В Арсении всегда жил этот редкий, сокрушительный синтез безжалостного дельца и гениального конструктора.

— Но тогда консоль потребует дополнительного шарни-

ра... — начала она, неосознанно подаваясь вперед.

— Не шарнира, — перебил он. — Скользящей опоры с демпфером. Вот здесь.

Его рука внезапно накрыла ее тонкую ладонь.

Пальцы Арсения — горячие, шершавые, с мозолистыми подушечками — сжали ее пальцы, вкладывая карандаш обратно в ее руку. Он стал направлять ее кисть, заставляя чертить линию сопряжения конструкций.

От этого прикосновения по позвоночнику Лилии ударила ослепительная молния. Ее пальцы задрожали, грифель с глухим хрустом соскочил с траектории, прочертив рваную черту по кальке. Лилия замерла, боясь сделать вдох. Его обнаженное плечо прижалось к ее плечу. Жар его тела обжигал сквозь тонкую ткань туники.

— Арсений... пусти, — выдохнула она, чувствуя, как голос предательски ломается. — Пусти мою руку.

Он не отпустил. Напротив — его хватка стала плотнее, надежно прижимая ее кисть к чертежу. Арсений медленно повернул голову.

Их лица оказались на расстоянии ладони. В полумраке его серо-зеленые глаза казались бездонными колодцами, полными опасного, раскаленного жидкого металла. Взгляд скользнул по ее приоткрытым губам, по вздымающейся груди под тонким хлопком туники, по тонкой шее, где бился частый, испуганный пульс.

— Зачем ты отдал этот проект мне? — прошептала Ли-

лия, отчаянно пытаюсь удержать ускользающий рассудок. — Ты мог нанять любого гения с мировым именем. Бюро Фостера, команду Zaha Hadid Architects, кого угодно. Зачем я?

Арсений замолчал. В его глазах что-то надломилось — на секунду обнажилась та первобытная, нечеловеческая тоска, которую он пять лет прятал под миллиардной империей и стальными латами бессердечного олигарха.

— Потому что пять лет назад, Лиля, — его голос стал хриплым, вибрирующим от застарелой, невыносимой боли, — в тот проклятый день, когда я открыл дверь нашего дома и увидел пустые полки шкафа и твои ключи на консоли... моя жизнь превратилась в пепел.

Лилия затаила дыхание. Сердце сжалось в ледяной комок.

— Я выл как раненый зверь, — глухо продолжал он, глядя прямо в ее расширенные зрачки. — Я перевернул весь город. Я искал тебя по всем вокзалам, по больницам, по моргам. А через полгода разбился на двести сорока километрах в час на Новорижском, потому что не видел смысла тормозить на перекрестке.

Его свободная рука скользнула к собственным ребрам, пальцы очертили рваный белесый шрам над сердцем.

Лилия судорожно всхлипнула, прижав свободную ладонь к губам.

— Врачи собирали меня по кускам четыре месяца, — продолжал Краснов, и в каждом его слове звенела тяжелая сталь. — И лежа на операционном столе, я повторял себе перед

наркозом: я выживу. Я построю такую империю, которой не было равных в этой стране. Я подниму в небо башни такой высоты, чтобы ты, где бы ты ни пряталась, в какой бы щели ни забилась, каждый день видела мое имя на горизонте. Эту башню «Империя» я начал проектировать в палате интенсивной терапии. Для тебя. А «Северная Пальмира» названа твоим именем. Северская. Моя Лилия. Ничья другая рука не коснется этих стен.

Слова Арсения разорвали ее внутреннюю броню в клочья. Слезы обожгли глаза. Вся ее гордость, вся пятилетняя глухая злость, все выстроенные баррикады рухнули под тяжестью этой чудовищной, одержимой, пугающей преданности.

Карандаш выпал из их пальцев и с мягким стуком покатился по ковру.

Арсений медленно поднял руку. Его шершавый, тяжелый большой палец коснулся ее скулы.

Нежно. С такой бесконечной, трепетной осторожностью, на которую, казалось, не способен этот безжалостный титан. Подушечка его пальца медленно, стирая серый графитовый след, провела по ее нежной фарфоровой коже, очерчивая изгиб скулы, спускаясь к уголку дрожащих губ.

Кожу Лилии обожгло огнем. По ее телу прокатилась судорожная дрожь такой силы, что она сильнее уперлась коленями в ковер.

— Ты до сих пор боишься меня, Лилия? — прошептал он, склоняясь еще ближе. Его горячее дыхание с привкусом та-

бака и мяты коснулось ее рта. — Боишься, потому что знаешь: твое тело помнит меня. Ты горишь под моими пальцами точно так же, как пять лет назад.

Его губы замерли в миллиметре от ее губ. Еще секунда — и он сомнет ее сопротивление, сокрушит последние остатки воли в первобытном, раскаленном поцелуе, которого они оба жаждали до безумия.

Этот миллиметр решил все.

Ужас перед собственной капитуляцией, перед тем, как легко она готова раствориться в нем и снова стать его бесправной пленницей, ударил Лилию в виски.

— Нет... — выдохнула она, задыхаясь.

Она резко отпрянула назад, разрывая контакт. Вскочила на ноги, путаясь в подоле туники. Калька зашуршала под ее босыми ступнями, карандаши брызнули в стороны.

— Я боюсь не тебя, Краснов! — крикнула она, и ее голос сорвался на рыдание. — Я боюсь того чудовища, в которое ты превратился! И себя рядом с тобой!

Она развернулась и бросилась бежать по темному коридору.

Влетев в свою спальню, Лилия захлопнула тяжелую дверь, провернула круглый металлический фиксатор замка и прижалась к деревянной створке спиной. Ноги не держали ее. Она медленно сползла на пол, обхватив колени руками и уткнувшись лицом в ткань туники.

Ее плечи судорожно вздрагивали от беззвучных слез,

сердце колотилось в ребра, словно птица в клетке, а щека, к которой прикасался палец Арсения, пылала так, будто на ней выжгли несмываемое клеймо.

Глава 8

Утро смыло ночной дурман, оставив после себя ледяную, трезвую ясность.

Лилия проснулась в половине десятого от звенящей тишины. Выйдя в гостиную, она не нашла на ковре ни единого листа: эскизы и чертежи были аккуратно свернуты в тубусы и перенесены в библиотеку. На ковре осталась вмятина от тяжелого каталога. Лилия задержала на ней взгляд, вспомнила его руку поверх своей и поспешила пройти дальше.

Горничная в сером форменном платье, протиравшая гранитный остров, сообщила, что Арсений Викторович уехал в девять утра на коллегияу градостроительного комитета в мэрию и вернется только к вечеру.

Оставшись одна, Лилия подошла к панораме. Мегаполис внизу сверкал миллионами стекол в лучах холодного солнца.

«Я строил эту башню ради тебя. 'Северная Пальмира' названа твоим именем...»

Его слова звучали в памяти наваждением. Но Лилия заставила себя сжать кулаки. Нельзя верить хищнику. Арсений был манипулятором высшей пробы. Он умел давить силой, но куда опаснее была его сокрушительная нежность. Если она поддастся, если ее тело сдастся перед его ласками — она снова станет бесправной птицей в золотой клетке.

Ей нужны были факты: загранпаспорт и оригинал трудового контракта с кабальным пунктом о неустойке в двадцать пять миллионов. С ними она могла попытаться найти независимого юриста через студенческие связи.

Лилия обошла пентхаус. Лифтовой холл был заперт: вызов кабины работал только по отпечатку пальца или мастер-карте. Пожарную лестницу держал мощный электромагнитный замок с алым светодиодом. В потолочных балках поблескивали полусферы камер.

Единственным местом, куда вела приоткрытая дверь, было восточное крыло — личный кабинет Арсения.

Лилия замерла перед массивной створкой из мореного дуба. Дверь отступала от косяка на пару сантиметров: Арсений уезжал в спешке.

Сердце глухо забилося в горле. Пересилив страх, Лилия скользнула внутрь.

Кабинет дышал тяжелой мужской силой. Стены в темном орехе, стеллажи с фолиантами по архитектуре и мостостроению, стол из мореного дуба с накладкой из кожи. В воздухе стоял густой аромат кубинских сигар, старой кожи, кедра и горького бергамота.

Она подошла к столу. Экран монитора потребовал биометрию и динамический токен. Выдвижные ящики стола блокировали электронные замки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.